

Й. Шумпетер

История экономического анализа

«История экономического анализа» Йозефа Алоиза Шумпетера (1883—1950) — одно из крупнейших сочинений по истории экономической мысли. Первое издание этой книги вышло в Нью-Йорке в 1954 г. уже после смерти автора. Й. Шумпетер не успел ее закончить сам, и рукопись была подготовлена к печати его женой Элизабет Шумпетер и Василием Леонтьевым. Только человек такой высокой культуры, каким был Й. Шумпетер, мог создать этот поистине энциклопедический труд. Й. Шумпетер вошел в историю экономической науки прежде всего как ученый-теоретик, однако его собственные сочинения всегда основывались на глубоком изучении работ предшественников. Поэтому теоретические исследования оказались важнейшей предпосылкой его «Истории экономического анализа».

И. А. Шумпетер родился в Австро-Венгрии, в городе Триш (Моравия). Переехав после смерти отца в Вену, он получил образование в лицее. В 1901—1906 гг. он учится в Венском университете — одном из крупнейших интеллектуальных центров тогдашней Европы. Вместе с ним на лекции и семинары к Ф. Визеру и Э. Бем-Баверку ходили О. Бауэр и Р. Гильфердинг. Получив степень доктора права, по окончании университета Й. Шумпетер занимался частной юридической практикой в Египте, однако практическая деятельность не принесла ему больших успехов. В 1909 г. он получил должность профессора политической экономии в университете в Черновцах, а с 1911 г. начал преподавать в Граце (Австрия). В 1919—1920 гг. в течение нескольких месяцев он занимал пост министра финансов в коалиционном правительстве католиков и социал-демократов. Однако положение его в этом правительстве было неустойчивым, и он, не успев изложить свою программу, был вынужден уйти в отставку. Не принесла ему лавров и деятельность его в качестве президента частного банка. В 1924 г. банк потерпел крах, и Й. Шумпетер был вынужден вернуться к академической деятельности, потеряв почти все свое состояние. В разное время он преподавал политическую экономию в ряде европейских и американских университетов, читал лекции в Японии, а с 1932 г. и до конца жизни работал в Гарвардском университете (США), Й. Шумпетер был одним из основателей, а в 1937—1941 гг. президентом Эконометрического общества, в 1949 г. был президентом Американской экономической ассоциации.

В конце XIX — начале XX вв. усилился кризис традиционных представлений, четко обозначались различные направления и школы в буржуазной политической экономии. С этими направлениями Й. Шумпетер был хорошо знаком. В молодости он изучал произведения теоретиков австрийской школы, штудировал сочинения К. Маркса. Во второй половине 20-х годов, заведя кафедрой государственных финансов в Боннском университете, достаточно глубоко познакомился с работами представителей новой исторической школы, а позднее — с трудами американских институционалистов. Уже в 1914 г. появилась его работа «История теорий и методов (очерк политической экономии)», которая стала первым эскизом его будущей «Истории экономического анализа». С 1910 по 1950 г. были опубликованы статьи, посвященные Л. Вальрасу, Э. Бем-Баверку, К. Менгеру, Г. Кнаппу, Ф. Визеру, В. Борткевичу, А. Маршаллу, Ф. Тауссигу, Дж. Кейнсу, И. Фишеру, В. Парето, У. Митчеллу, которые позднее были объединены в книгу «Десять великих экономистов. От Маркса до Кейнса» (1951). Однако в центре внимания Й. Шумпетера в 10—30-е годы была не история экономической мысли как таковая, а опыт динамического моделирования и изучение перспектив развития капитализма.

Й. Шумпетер всю жизнь стремился к созданию целостной теории экономического роста, которая нашла свое выражение в ряде работ. Наибольшее значение для характеристики теоретических взглядов Й. Шумпетера имеют его монографии «Теория экономического развития» (1911), «Экономические циклы» (1939) и «Капитализм, социализм и демократия» (1942).

Стремление преодолеть статичность построений маржиналистов получило яркое выражение в книге «Теория экономического развития», которая имеет характерный подзаголовок: «Исследование предпринимательской прибыли, капитала, процента и цикла конъюнктуры». В этой работе Й. Шумпетер показал, как в результате деятельности «предпринимателей» осуществляется развитие в капиталистическом обществе. Главной функцией «предпринимателя», по Й. Шумпетеру, является способность осуществлять нововведения, внедрять их в производство. «Производить,— считал Й. Шумпетер,— значит комбинировать имеющиеся в нашей сфере вещи и силы... Производить... — значит создавать другие комбинации из этих вещей и сил»¹. Форма и содержание развития, с точки зрения Й. Шумпетера, определяются понятием «осуществление новых комбинаций».

Й. Шумпетер не отождествлял «предпринимателя» с капиталистом, поэтому

¹ Шумпетер И. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, процента и цикла конъюнктуры). М.: Прогресс, 1982. С. 158.

«предприниматель» — это не персонификация капитала, это не наделенный плотью и кровью капитал. «Право собственности на промышленное предприятие или вообще на любое «имущество»,— писал Й. Шумпетер,— не является для нас существенным признаком предпринимателя»². «Предприниматель», в понимании Й. Шумпетера,— это человек инициативы, внедряющий в производство новые комбинации. Им может быть, с точки зрения автора, и фабрикант, и администратор, имеющий реальную власть, и директор, и учредитель. «Предпринимателю» приходится преодолевать многочисленные препятствия — объективные и субъективные, технические и социальные. Осуществление этих нововведений становится возможным, как полагает Й. Шумпетер, благодаря существованию кредита. «Капиталистическая система кредита,— пишет Й. Шумпетер,— фактически выросла из финансирования новых комбинаций и развилась на нем»³. Поэтому уплата процента является своеобразной данью за технический прогресс. С течением времени, однако, человечество привыкает к нововведениям, и поэтому Й. Шумпетер оценивал исторические судьбы «предпринимателей» весьма пессимистично.

Продолжением «Теории экономического развития» стала вышедшая в 1939 г. монография «Экономические циклы. Теоретический, исторический и статистический анализ капиталистического процесса». В этой книге Й. Шумпетер показал, каким образом осуществляется развитие, т. е. как нарушается равновесие системы благодаря нововведениям, почему происходит изменение темпов роста и чем заканчивается цикл деловой активности. Й. Шумпетер выделял три вида колебаний. Наиболее длинные из них, достигающие 55 лет, он называл «циклами Кондратьева». Они состоят из ряда средних — десятилетних циклов, названных Й. Шумпетером «циклами Жуглара». Эти средние циклы включают, в свою очередь, ряд коротких, длиной в 2 года и 4 месяца, получивших название «циклы Китчина». Изучая экономические циклы, Й. Шумпетер, стремясь достигнуть определенного единства, использовал различные методы; теоретический, исторический и статистический. Ведущим среди них, безусловно, является теоретический (аналитический) метод, которому подчинены исторические иллюстрации и статистические выкладки. Й. Шумпетер выделял причины нарушения экономического равновесия: политические (войны, революции и т. д.), экономические (рост населения, изменение норм накопления и др.) и технические (нововведения, т. е. изменение комбинаций факторов производства). Анализируя эти факты, Й. Шумпетер пришел к мысли о том, что главную роль в развитии капиталистического общества

² Шумпетер И. Теория экономического развития. С. 170.

³ Там же. С. 164.

играют нововведения, которые осуществляют «предприниматели». Поэтому в самом общем виде цикл деловой активности, по Й. Шумпетеру, может быть представлен следующим образом: равновесие — его нарушение путем нововведений — рост цен факторов производства, денежных доходов и процента — рост издержек — рост цен — рост кредита — сокращение инвестиций — снижение цен — падение нормы процента и спроса на кредит — новое равновесие.⁴ Как видим, в этой работе в центре анализа по-прежнему остается свободный «предприниматель» и так же, как раньше, недооценивается роль монополий и государства.

В какой-то мере Й. Шумпетер пытался преодолеть эту ограниченность в работе «Капитализм, социализм и демократия» (1942). Эта книга состоит из пяти частей. В первой части Й. Шумпетер изложил марксистское учение. Вторая часть начинается с вопроса: «Может ли капитализм выжить?» Й. Шумпетер дал на него отрицательный ответ⁵. Он характеризовал капитализм как динамическую систему, состоящую из частных «предпринимателей», осуществляющих нововведения с целью получения прибыли. Й. Шумпетер рассматривал капитализм как разновидность торгового общества, в основе которого лежат два элемента: «частная собственность на средства производства и регулирование производственных процессов посредством частных контрактов». Й. Шумпетер пытался выяснить факторы, угрожающие капитализму. Усиление монополистических тенденций он считал закономерным процессом, способствующим прогрессу в условиях капиталистического общества. Угрожающим фактором Й. Шумпетер считал упадок предпринимательской деятельности, замену деловой активности инициативных индивидов работой различных учреждений, бюро и комиссий. Это связано с разочарованием в частном предпринимательстве, с заменой индивидуального капитала акционерной формой. Место буржуазии занимают получающие жалование служащие и алчные, вечно обиженные акционеры — люди, не способные ни на какие подвиги ради технического прогресса.

Третья часть посвящена социализму. «Социалистическое общество, — писал Й. Шумпетер, — мы можем определить как институциональную систему, в которой контроль над средствами производства и над самим производством находится в руках центральной власти, или, как мы можем сказать, в которой, с принципиальной точки зрения, экономическая власть в обществе принадлежит всему народу, а не частным лицам»⁶. Полемизируя со своими оппонентами, Й. Шумпетер не только допускал

⁴ Schumpeter J. A. Business cycles. A theoretical, historical and statistical analysis of the capitalist process. Vol. 1. N. Y.— L., 1939, P. 130—137.

⁵ Schumpeter J. A. Capitalism, Socialism and Democracy. N. Y.— L., 1942. P. 61.

⁶ Ibid. P. 167.

возможность существования такой системы, но считал целесообразным говорить о преимуществах социализма (плановое развитие экономики, широкое распространение нововведений, передовых методов хозяйствования и т. д.).

Он критиковал распространенные на Западе представления о бюрократизме, сокращении сбережений и низкой дисциплине труда при социализме⁷. Бюрократизм, справедливо замечал Й. Шумпетер, сформировался и получил значительное развитие уже при капитализме. Сокращение частных сбережений при социализме компенсируется ростом сбережений государственных предприятий и организаций. Что же касается дисциплины, то при социализме в условиях ликвидации эксплуататорских классов она станет сознательной и добровольной. Таковы представления Й. Шумпетера о развитом, централизованном социализме. Означает ли это, что Й. Шумпетер пропагандировал скорейший приход социализма? Оказывается, нет.

Как справедливо заметил Дж. Ф. Белл, «...Шумпетер не был твердым защитником какого-либо «-изма» или дела. Он был критиком социалистических доктрин, однако он находил в них элементы истины, он не любил марксизм, однако отмечал блистательность «великого учителя социалистического вероучения»; он не был твердым защитником капитализма, но в то же время критически отзывался об идеях «Нового курса» (Ф. Д. Рузвельта.— Р. Н.), который пытался определить следующий шаг капитализма. Он был, вероятно, консерватором, со склонностью к широким политическим взглядам и нежеланием проявлять усердие реформатора или энтузиазм в отношении какой-либо особой догмы»⁸.

В четвертой части книги, озаглавленной «Социализм и демократия», Й. Шумпетер пытался доказать, что, хотя в теории возможно совмещение этих понятий, на практике оно оказывается трудно достижимым. Эта идея иллюстрируется в пятой части, где дан исторический обзор развития социалистических партий. Если элита, способная осуществлять демократию на практике, в рамках социалистических партий еще не сформировалась, то приход этих партий к власти, считал Й. Шумпетер, приведет к нарушению высоких принципов социализма, принятию далеко не оптимальных решений и грубому нарушению естественных прав человеческой личности.

Таковы были теоретические взгляды Й. Шумпетера, приступавшего к созданию грандиозной «Истории экономического анализа». Несомненно, достоинство этой работы состоит в том, что она написана ученым-теоретиком, а не историком, специализирующимся только в этой области экономического знания. Это

⁷ Ibid. P. 205—219.

⁸ Bell J. F. A History of Economic Thought. N. Y., 1953. P. 653.

предопределило глубину теоретического анализа взглядов предшественников.

«Это — великая и грандиозная книга,— писал С. Кузнец,— великая потому, что была написана ученым огромной эрудиции, широкого интереса, блестящего вдохновения и пронизательности, при всей странности его суждений; грандиозная, потому что цель была столь велика, что несмотря на усилия всей жизни остались широкие пробелы и поспешные заплаты»⁹.

Первую часть своего труда Й. Шумпетер посвятил определению предмета своего исследования. Она называется «Предмет и метод» и состоит из четырех глав¹⁰. В первой главе рассматривается план книги, анализируются причины изучения истории экономической науки, а также определяется ее предмет. Во второй главе исследуется техника экономического анализа в экономической истории, статистике, «теории» как таковой, экономической социологии, политической экономии и прикладных экономических науках. Третья глава посвящена современным достижениям в близких к экономической науке областях общественнознания. Й. Шумпетер изучает взаимосвязь экономики с психологией, социологией, логикой и другими областями философского знания. В четвертой главе представлена социология экономической науки. Шумпетер успел написать только первый параграф, в котором обсуждается вопрос: «Является ли история экономической науки историей идеологии?» Автор предполагал во втором параграфе рассмотреть «движущие силы научного поиска и механизм научного развития», а в третьем — «персонал науки вообще и экономической науки в частности»¹¹

В первой главе I части Й. Шумпетер дает пять определений науки, акцентируя внимание на том, что наука, в отличие от здравого смысла, представляет из себя «знание, вооруженное инструментами»¹². Экономическая наука оказывается не системой категорий и законов, управляющих производством, распределением, обменом и потреблением материальных благ на различных ступенях развития человеческого общества, а «ящиком с инструментами» — это определение Дж. Робинсон по существу использует в своей книге Й. Шумпетер¹³. Тем самым акцент переносится с предмета исследования на метод. Поэтому целью становится изучение не экономической науки как таковой, а истории ее метода, техники анализа. Такой подход позволяет Й. Шумпетеру показать, что история экономического анализа уже, чем

⁹ Kuznets S. History of Economic Analysis: a review article//History of Economic Thought. N. Y., 1955. N 15. P. 212.

¹⁰ Перевод начала книги Й. Шумпетера дается в некотором сокращении. В частности, в первой части опущены: в главе 1—§ 1. План книги; в главе 2—§ 6. Прикладные области.

¹¹ Schumpeter J. A. History of Economic Analysis N Y 1954 P 33

¹² Ibid. P. 7.

¹³ Ibid. P. 15.

история экономической мысли, и даже, в определенном смысле, уже, чем история систем политической экономии. Однако предмет истории экономического анализа сопровождается столькими оговорками, что по существу сводит на нет эти различия¹⁴. Поэтому, как справедливо заметил М. Перлман, «...различие между подходом Шумпетера к предмету истории нашей дисциплины и подходом многих других (буржуазных ученых. — Р. Н.) не столь разительны, сколь он их стремится представить. .. То, что он сделал, было не столь отлично от усилий других, это было просто лучше»¹⁵.

Противопоставление истории экономического анализа истории экономической мысли нужно было Й. Шумпетеру не только для того, чтобы абстрагироваться от прямого влияния идеологии, но и для того, чтобы показать, что прогресс существует только в технике анализа, а не в самих доктринах как таковых. «Мы, — писал Й. Шумпетер, — можем в самом деле предпочесть мир современного диктаторского социализма миру Адама Смита или наоборот, но такие предпочтения будут столь же субъективными оценками, как и предпочтения, которые, пользуясь сравнением Зомбарта, оказывают мужчины блондинкам или брюнеткам. Иными словами, в вопросах экономической и всякой иной политики не существует объективного значения понятия "прогресс", поскольку отсутствует реальная база для сравнения»¹⁶.

Отрицание прогресса экономической науки не случайно. Ведь его признание означало бы для Й. Шумпетера необходимость отказа от так называемого объективизма, буржуазный характер которого он старательно скрывал. Правда, Й. Шумпетер как глубокий исследователь понимал взаимосвязь экономических концепций с материальными интересами и даже сомневался в существовании беспристрастных мыслителей. Тем не менее он отрицал необходимость поиска классовых корней экономических доктрин, полагая, что главными должны быть аргументы науки как таковой. «.. Иногда может быть интересно задать вопрос, — писал Й. Шумпетер, — почему человек говорит то, что он говорит, но любой ответ сам по себе не скажет нам, правильными или ложными являются его суждения»¹⁷.

Между тем, в классовом обществе материальные интересы объективно носят

¹⁴ Это отмечал Э. Жамс в «Истории экономической мысли XX века». «Известно, — писал он, — что Шумпетер ставил задачу написать не историю *экономической мысли*, в историю *экономического анализа*. Поэтому его точка зрения значительно более ограничена, чем наша. Вместе с тем, принимая во внимание поставленную цель, Шумпетер разрешил себе сделать немало отступлений. Возможно, широкого читателя нельзя заинтересовать историей инструментов экономического анализа без того, чтобы не напомнить одновременно о том, как творцы этих инструментов создавали их» (Жамс Э. История экономической мысли XX века. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1959. С. 30 (Прим.).

¹⁵ Perlman M. Schumpeter as a Historian of Economic Thought // Schumpeterian Economics. Ed. by Helmut Frisch. N. Y., 1982. P. 145.

¹⁶ Schumpeter J. A. History of Economic Analysis. P. 40.

¹⁷ Ibid. P. 11.

классовый характер, поэтому и экономические доктрины, выражающие интересы классов, далеко не нейтральны в социальном плане. «Своеобразный характер материала, с которым имеет дело политическая экономия,— писал К. Маркс в Предисловии к первому изданию I тома «Капитала»,— вызывает на арену борьбы против свободного научного исследования самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души — фурий частного интереса. Так, высокая англиканская церковь скорее простит нападки на 38 из 39 статей ее символа веры, чем на */39 ее денежного дохода»¹⁸. Поэтому для правильной оценки экономической теории далеко не безразлично, интересы каких классов она выражает: прогрессивных или реакционных.

С попыткой уйти от классового анализа связано стремление Й. Шумпетера преуменьшить влияние философии на развитие экономической науки. Считая, что типичные для буржуазной историографии частые ссылки на философию являются «одним из важнейших источников псевдообъяснения развития экономического анализа», Й. Шумпетер впадал в другую крайность, полагая, что «экономический анализ никогда не формировался под влиянием философских взглядов»¹⁹. Подобное утверждение не только не соответствует действительности, но и противоречит содержанию книги Й. Шумпетера, в которой влияние философии на экономическую науку представлено достаточно широко и глубоко. Правда, стремление придерживаться провозглашенного принципа приводит автора нередко к очевидным логическим противоречиям. В частности, в первой главе второй части он дает характеристику экономических взглядов древнегреческих ученых (см. § 2-5), которые, как известно, являлись органической составной частью их философских концепций, до характеристики древнегреческой философии (см. § 6).

Буржуазный характер «объективизма» Й. Шумпетера особенно ярко проявился в его критике марксизма. Уже в книге «Капитализм, социализм и демократия» Й. Шумпетер пытался анализировать «марксистскую доктрину», стремился обнаружить ее слабые стороны²⁰. В первой части «Истории...» острие критики направлено против марксистской идеологии, против классового характера социально-экономического учения К. Маркса.

Признавая большой вклад К. Маркса в развитие политической экономии и общественных наук в целом, Й. Шумпетер сопровождал свою оценку, однако, тремя оговорками. Во-первых, считал он, К. Маркс «был совершенно слеп по отношению к

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 10.

¹⁹ Schumpeter J. A. History of Economic Analysis. P. 31, 32,

идеологическим элементам, существующим в своей собственной системе... Идеология трудящихся не лучше и не хуже, чем любая другая... Во-вторых, марксистский анализ идеологических систем мысли сводит их к сгусткам классовых интересов, которые, в свою очередь, определяются исключительно в экономических терминах... В-третьих, Маркс и особенно большинство его последователей с излишней легкостью сделали вывод о том, что положения, в которых заметно идеологическое влияние, *ipso facto* (в силу самого факта) безоговорочно должны быть осуждены... Возможно, и Галилей, и его оппоненты преследовали идеологические цели. Но это не мешает нам говорить, что Галилей был "прав"²¹.

Мы привели столь длинную цитату для того, что бы показать, какими приемами пользовался Й. Шумпетер для доказательства внеклассового характера экономических доктрин. Во-первых, он смешивал общественные науки с естественными, о чем наглядно свидетельствует его пример с Галилео Галилеем.

Во-вторых, признание развития общества как естественно-исторического процесса, как закономерной смены ряда общественно-экономических формаций объективно ставит вопрос о прогрессивном или реакционном характере деятельности тех или иных классов и социальных групп и соответственно экономических теорий, выражающих их материальные интересы. Естественно, что экономические концепции связаны с идеологической борьбой между теми, кто стремится осуществить переход к более высокому социально-экономическому строю, и теми, кто препятствует достижению этой цели. Конечно, в этой борьбе участвуют и основные классы, и промежуточные слои, и в разногласии мнений не всегда просто бывает выделить классовые корни тех или иных концепций. Тем не менее совершенно очевидно, что экономические взгляды ученых, выступающих с позиций рабочего класса, борющихся за осуществление социалистической революции, объективно носят более прогрессивный характер, чем взгляды буржуазных ученых, выступающих за сохранение капитализма, переживающего глубокий общий кризис.

Наконец, в-третьих, несправедливо утверждение Й. Шумпетера о том, что К. Маркс совершенно не замечал идеологических моментов своей собственной системы. Возражая своим буржуазным оппонентам, К. Маркс и Э. Энгельс писали в «Манифесте Коммунистической партии», что «коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного

²⁰ Schumpeter J. A. Capitalism, Socialism and Democracy. P. 1—60.

²¹ Schumpeter J. A. History of Economic Analysis. P. 36—37.

строю».²² Эта идеологическая установка помогла К. Марксу показать исторически преходящий характер капиталистического способа производства. Разоблачая попытки «дополнить» марксизм сочинениями Маха, В. И. Ленин писал, что «ни единому профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же партийная наука в современном обществе, как и гносеология»²³.

Й. Шумпетер дал своеобразное разделение материала по истории экономического анализа. Оно отличается от общепринятых (в буржуазных курсах) периодизаций истории экономической мысли. Понимая, что подробная характеристика структуры была бы забеганием вперед, ограничимся некоторыми краткими замечаниями. В книге выделены пять частей: 1. Введение. Предмет и метод. 2. От истоков до первого классического состояния (примерно до 1790 г.), 3. От 1790 до 1870 г. 4. От 1870 до 1914 г. (и дальше). 5. Заключение. наброски к современному развитию.

Хотя в названиях частей фигурируют исторические даты, в основу деления положен не хронологический, а, скорее, логический, теоретический критерий. Об этом свидетельствует не только тот факт, что содержание частей нередко выходит за обозначенные хронологические рамки, но и своеобразная логика расположения материала внутри них.

Вторая часть охватывает обширный материал от греко-римской экономической мысли до физиократов и А. Смита. Это был период становления экономической науки, когда она развивалась, главным образом, в рамках философского знания. В центре внимания у Й. Шумпетера оказывается борьба между «консультантами-администраторами» и «памфлетистами»: между учеными, для которых характерно стремление к широким обобщениям и принятию стратегических решений, и публицистами, погруженными в экономическую эмпирию и увлеченными тактической борьбой. Высшим достижением этого периода Й. Шумпетер считал опыт макроэкономического моделирования, осуществленный Кенэ и его учениками. Включение «Богатства народов» А. Смита во вторую часть не случайно. Рассматривая его лишь как ученого, обобщившего достижения предшественников, Й. Шумпетер стремился показать, что действительный вклад Смита в экономическую науку гораздо меньше, чем обычно приписывают ему.

Третья часть посвящена главным образом эре классических систем, к которым

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 459.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 363—364.

Й. Шумпетер относил школу Д. Рикардо, ее противников, построения Дж. Ст. Милля, а также экономическую систему К. Маркса. Й. Шумпетер полагал, что чрезмерная политизация классических систем способствовала их разложению, сужению экономического видения.

Четвертую часть книги Й. Шумпетера Перлман удачно назвал эрой школ и частных дисциплин²⁴. Здесь проанализированы достижения в области истории, социологии, психологии, социальной политики, а также их влияние на развитие экономической науки. Сама же экономическая наука представлена в этой части различными направлениями: старой и новой исторической школой, маржинализмом, американским институционализмом, неоклассическим направлением, марксизмом и др. В центре внимания Й. Шумпетера оказывается исследование теории равновесия, успехи в технике эконометрического анализа.

Последняя, пятая, часть носит характер набросков. Й. Шумпетер стремился показать, что изучение проблем макроэкономической теории может способствовать восстановлению единства экономической науки, объединению ее различных направлений и школ. В заключение еще раз подчеркнем, что это весьма беглые и краткие замечания об очень сложной архитектонике книги Й. Шумпетера, включающей 31 главу и свыше 160 параграфов.

В «Истории экономического анализа» Й. Шумпетера, как и в большинстве буржуазных курсов истории экономической мысли, чрезвычайно скромное место занимает анализ экономической мысли Древнего Востока. Между тем в Древнем Египте, Шумере, Вавилонии, Ассирии существовало развитое государственное хозяйство, получившее яркое отражение в письменных источниках. Велся тщательный учет трудовых, земельных и других материальных ресурсов, появлялись сочинения, посвященные вопросам организации и управления государственным (царско-храмовым) хозяйством («Артхашастра», «Гуань-цзы» и др.), осуществлялась государственная регламентация экономической жизни страны²⁵.

Й. Шумпетер начал исследование с произведений древнегреческих авторов. Однако его анализ ограничился почти исключительно сочинениями Платона и Аристотеля. К сожалению, из поля зрения Й. Шумпетера выпали такие важные для характеристики древнегреческой мысли произведения, как «Домострой», «О доходах» Ксенофонта и др.

Анализ «чистой» экономики Аристотеля свелся у Й. Шумпетера лишь к

²⁴ Perlman M. Op. cit. P. 146, 150.

²⁵ Подробнее см.: Всемирная история экономической мысли в шести томах. Т. 1. М., 1987. С. 28—ПО.

характеристике товарно-денежных отношений. Аристотеля, как известно, постигла неудача в изучении формы стоимости. Открыв, что «обмен не может иметь места без равенства, а равенство без соизмеримости», он не сумел объяснить, в чем эта соизмеримость заключается, какова ее основа. Причины этой неудачи Й. Шумпетер в отличие от К. Маркса объяснял так: «это произошло по причине его озабоченности этической проблемой справедливости в ценообразовании...»²⁶. К. Маркс видел корни этой неудачи в характере социально-экономического строя, в котором жил и работал Аристотель.: «..Того факта, что в форме товарных стоимостей все виды труда выражаются как одинаковый и, следовательно, равнозначный человеческий труд,— этого факта Аристотель не мог вычитать из самой формы стоимости, так как греческое общество покоилось на рабском труде и потому имело своим естественным базисом неравенство людей и их рабочих сил»²⁷,

После краткой, достаточно односторонней характеристики древнегреческой философии Й. Шумпетер рассматривал вклад римлян. Он справедливо отмечал, что областями, в которых римляне достигли наибольших успехов, были юриспруденция и аграрная наука,

Римские юристы пытались дать определение многим явлениям экономической жизни (купля и продажа, цена, деньги, ссуда, аренда и др.) и тем оказали большое влияние на экономическую мысль средневековой Европы. «Римляне,— как справедливо отмечал К. Маркс,— собственно впервые разработали **право частной собственности**, абстрактное право, частное право, право абстрактной личности. **Римское частное право** есть **частное право** в его **классическом выражении**»²⁸.

Сочинения римских рабовладельцев по сельскому хозяйству Й. Шумпетер считал второстепенным для развития экономического анализа вопросом²⁹. Однако с такой категоричной оценкой нельзя полностью согласиться. Конечно, крупные римские агрономы (Каток, Варрон, Колумелла) скорее стремились дать набор практических рекомендаций, чем теорию организации рабовладельческой виллы. Тем не менее в их сочинениях содержится немало интересных экономических идей по рациональной организации и управлению передовым рабовладельческим хозяйством средних размеров. В частности, они рассматривали превышение доходов над расходами не только как необходимое условие хозяйствования³⁰, но и разработали систему мер, способствовавших повышению доходности имения, а в сочинении Колумеллы «О

²⁶ Schumpeter J. A. History of Economic Analysis. P. 60.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 69.

²⁸ Там же. Т. 1. С. 347.

²⁹ Schumpeter J. A. History of Economic Analysis. P. 70.

сельском хозяйстве» содержится сравнительный анализ доходности лугов (2%), зерновых (3%) и виноградников (13—15 %) ³¹. Поэтому в советских курсах по истории экономической мысли произведениям древнеримских агрономов уделяется большое внимание ³².

Гиперкритической оказалась и оценка раннехристианской мысли. «Социологический диагноз мирских аспектов раннего христианства» Й. Шумпетера, к сожалению, не учитывает того очевидного факта, что раннее христианство стало одним из важнейших идейных источников крестьянско-плебейских ересей западноевропейского средневековья, сыграло заметную роль в генезисе утопического социализма.

Важное значение для развития экономической мысли имел прозвучавший в рабовладельческом обществе христианский призыв к равенству. «Для бога нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного...» (Кол., 3:11; Гал., 3:28). Велико значение христианской церкви и в реабилитации труда. «Если кто не хочет трудиться,— говорится во втором послании Павла к Фессалоникийцам,— тот и не ешь» (2 Фее., 3:10). Труд провозглашается началом всех начал. В раннехристианской литературе формулируется принцип распределения по труду. «.. Каждый,— написано в Первом послании Павла к Коринфянам,— получит награду по своему труду» (1 Кор., 3 : 8). Содержащееся в раннехристианской литературе осуждение ростовщичества (Лк., 6 : 35 и др.) сыграло важную роль в ходе Реформации католической церкви, в оправдании раннекапиталистического предпринимательства. Протестантизм переосмыслил раннехристианские идеи, приспособив их для капитализма. «Для общества товаропроизводителей наиболее подходящей формой религии,— писал К. Маркс в «Капитале»,— является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в своих буржуазных разновидностях, каковы протестантизм, деизм и т. д.» ³³. Таким образом, раннее христианство занимает важное место в истории экономической мысли.

Публикация «Истории экономического анализа» позволит не только оценить величие замысла автора, но и, безусловно, будет способствовать повышению качества историко-экономических исследований в нашей стране.

³⁰ Cato. De agricultura. 2; Varron. De re rustica. I, 2; Columella. De re rustica. T, 1; Plinius. Naturalis Historia. XIV, 1.

³¹ Columella. De re rustica. III, 3, 7—11.

³² История экономических учений. М., 1983. С. 15—16; Всемирная история экономической мысли в шести томах. Т. 1. С. 138—147 и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

*¹ Й. Шумпетер справедливо отмечал трудности, связанные с определением начала экономической науки и ее основателей. Тем не менее нельзя не отметить, что политическая экономия как наука, сложилась не сразу. Первоначально можно выделить, так называемый, «донаучный» этап, когда исследователи изучали, главным образом, поверхностные связи, не отделяя главное от второстепенного. Например, предметом анализа меркантилистов были отношения, складывающиеся в сфере обращения. Поэтому перенос исследования в сферу производства К. Маркс рассматривает как важнейший критерий становления научной политической экономии. Это позволяет ему в рамках буржуазной политической экономии выделить классический этап. «...Под классической политической экономией,— писал К. Маркс,— я понимаю всю политическую экономию, начиная с У. Петти, которая исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства. В противоположность ей вульгарная политическая экономия толчется лишь в области внешних, кажущихся зависимостей, все снова и снова пережевывает материал, давно уже разработанный научной политической экономией, с целью дать приемлемое для буржуазии толкование, так сказать, наиболее грубых явлений экономической жизни и приспособить их к домашнему обиходу буржуа» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 91, прим.). Как видим, К. Маркс в периодизации развития политической экономии руководствовался, прежде всего, научным критерием — степенью проникновения в сущность экономического строя.

*² Трудно согласиться с И. Шумпетером, что понятие «закон» имеет «сомнительную полезность» для экономической теории. Политическая экономия, как наука, изучает законы, которые выражают необходимую, существенную, постоянно повторяющуюся взаимосвязь между явлениями и процессами экономической жизни. Й. Шумпетер трактовал законы лишь в субъективном смысле, между тем они объективны, хотя их действие отличается от законов природы. Объективность экономических законов объясняется диалектикой объективного и субъективного в человеческой практике. Экономическая деятельность людей predetermined уровнем развития производительных сил и той системой производственных отношений, в рамках которой они существуют. С другой стороны, развитие человеческого общества зависит от практической деятельности людей, является ее результатом. Трудность формулировки экономических законов объясняется еще и тем, что они отражают связи между процессами и явлениями при наличии определенных предпосылок и, в известной мере, упрощают сложную реальную действительность. К тому же нередко действие одних законов вступает в противоречие с

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 89

действием других, парализуя или ограничивая их. Именно этот аспект выделял Ф. Энгельс в письме К. Шмидту от 12 марта 1895 года. Экономические законы, писал Ф. Энгельс, "...не имеют иной реальности, кроме как в приближении, в тенденции, в среднем но не в непосредственной действительности. Это происходит отчасти потому, что их действие перекрещивается с одновременным действием других законов, отчасти же и вследствие их природы как понятий» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 39. С. 355). Тем не менее, очевидно, что эти осложняющие обстоятельства не являются достаточным основанием для отрицания экономических законов как таковых. Конечно, в политической экономии накопилась масса таких псевдозаконов, которые имеют весьма сомнительную ценность или чрезвычайно скромное значение. К их числу, например, Й. Шумпетер справедливо относит «закон убывающей доходности» или «основной психологический закон» Дж. М. Кейнса. Что же касается закона тенденции нормы прибыли к понижению К. Маркса, то, несмотря на всю противоречивость его действия, он играет важную роль в развитии капитализма как рамках капиталистического цикла, I так и в пределах «больших циклов конъюнктуры» (подробнее см.: Рудакова И. Е. Капиталистическая монополия: ее политико-экономическая природа и формы экономической реализации, М.: Изд-во МГУ, 1976. Гл. IV; Полетаев А. В. Прибыль американских корпораций (особенности послевоенной динамики). М.: Наука, 1985).

*³ Вызывает возражение положение Й. Шумпетера о том, что Дж. Локк, Д. Юм, Ф. Кенэ и К. Маркс фактически не испытывали на себе влияния собственной философии. Дж. Локк, например, был одним из видных сторонников теории естественного права. Его учение о собственности и труде прямо и непосредственно основано на положениях этой теории (см.: Локк Дж. Соч. в трех томах. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 276—291). Подробно воздействие философии Дж. Локка, Д. Юма и Ф. Кенэ на их экономические взгляды показано в первом томе Всемирной истории экономической мысли см. ВИЭМ. Т. 1. С. 358—360, 414—419, 423—426, 442—460, 472—475. Отметим лишь, что философия Дж. Локка оказала влияние не только на его сочинения, но и на классическую английскую политическую экономию в целом, на что справедливо обратил внимание К. Маркс (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. I. С. 371). Еще более очевидным является случай с К. Марксом. И дело не только в том, что в Послесловии ко второму изданию «Капитала» К. Маркс специально подчеркивает диалектикоматериалистическую природу своего метода, а в Предисловии к «К критике политической экономии» раскрывает сущность материалистического понимания истории (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 19—22, Т. 13. С. 6—8). Дело в том, что создание теории прибавочной стоимости было бы просто невозможным без принципиально новой философской системы.

*⁴ Й. Шумпетер некорректно использовал термин «теократия» для характеристики древневосточных обществ. Теократия как форма управления государством, в которой верховный правитель выполняет роль верховного жреца, для Древнего Востока явление нетипичное. Единственным исключением была Иудея. Неудачно, на наш взгляд, и употребление термина «нация» применительно к обществам Древнего Востока, даже если они состояли из одного этноса. Нации, как известно, возникают лишь в более поздний период - эпоху генезиса капитализма и предполагают не только общность территории, языка, культуры, но и определенный уровень развития экономических связей, появляющихся в процессе становления внутреннего рынка и т. д. *⁵ Отнесение Законов Хаммурапи к 2000 г. до н.э. носит у Й. Шумпетера довольно приблизительный характер. Несмотря на то, что в настоящее время имеются значительные (достигающие 128 лет!) расхождения в датировке начала правления этого вавилонского царя, тем не менее этот интервал относится середине XIX — первой четверти XVIII в. до н. э. Дело в том, что до сих пор разные историки придерживаются разных систем хронологий Древней Месопотамии: «длинной», «средней» или «краткой». Каждая из этих хронологий отличается на шестидесятичетырехлетний период — время повторения цикла движения планеты Венера. Согласно «длинной» хронологии (разработанной в трудах А. Гетце) началом времени правления Хаммурапи считают 1856 г. до н. э.; согласно «средней» (обоснованной С. Смитом и В. В. Струве) — 1792 г. до н. э.; согласно «краткой» (У. Ф. Олбрайт) — 1728 г. до н. э. Советские ученые придерживаются «средней» периодизации, в соответствии с которой правление вавилонского царя Хаммурапи приходится на 1792—1750 гг. до н. э. Законы Хаммурапи не являются самым ранним законодательным памятником, как пишет Й. Шумпетер. Им предшествовали Законы Ур-Намму (конец XXII — начало XXI в. до н. э.), Законы из Эшнунны (XX в. до н. э.) и др.

*⁶ Й. Шумпетер считает родиной «самой древней из известных нам письменных культур» Древний Китай. Однако это не соответствует действительности. Письменность появилась в этой стране во II тысячелетии до н. э., и наиболее ранние памятники ее — иньские гадательные надписи относятся к XIV—XI вв. до н. э. Гораздо раньше: в IV—III тысячелетиях до н. э. древнейшая письменность появилась в Южной Месопотамии и Египте.

*⁷ Стремление приуменьшить роль и значение трудовой теории стоимости в истории политической экономии приводит Й. Шумпетера к тому, что он объявляет стоимость «мнимой проблемой экономической науки», понимая под ней лишь «определенную величину и ничего более». Однако такой, чисто количественный, подход несостоятелен, как минимум, по двум причинам. Во-первых, потому, что сначала необходимо определить качество как таковое, ведь количество — это изменение, не выходящее за пределы данного качества. Во-вторых, потому, что социальная характеристика сводится у Й. Шумпетера к

техническим параметрам. К. Маркс отмечал, что стоимость есть «отношение, прикрытое вещной оболочкой» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 84, прим.). Поэтому при количественном подходе к стоимости у Й. Шумпетера выпадает главное — ее социально-экономическая природа.

*⁸ Й. Шумпетер считает примитивные формы более сложными по сравнению с позднейшими. Однако произведенное им сравнение не вполне корректно. Он сравнивает раннее целое не с более поздним целым, а лишь с его частью, не говоря уже о неточности терминологии (примитивное должно соотноситься не с позднейшим, а с развитым, а позднейшее — не с примитивным, а с ранним). Поэтому противопоставление Й. Шумпетером исторического логическому не представляется достаточно убедительным. При ближайшем рассмотрении выясняется, что исторически первое является, как правило, и логически более простым, что убедительно было доказано еще Г. Гегелем в «Науке логики».

*⁹ В новейших исследованиях, отнесение всего сословия всадников к деловой прослойке считается не вполне правомерным (см., напр.: Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н. э.). М., Изд-во МГУ, 1986. С. 21—24 и др.). Лишь верхушка всадников занималась деловыми операциями. Большинство из них были землевладельцами.

*¹⁰ Марк Антистий Лабейон (ок. 50 до н. л.— 18 н. л.) — римский юрист, основатель прокулианской школы юристов — последователей Аристотеля. Мазурий Сабин — римский юрист I в. н. э., один из представителей классической римской юриспруденции